

КНИГА Л. ТРОЦКОГО О СТАЛИНЕ ДОЛГО СОЗДАВАЛАСЬ, ЕЩЕ ДОЛЬШЕ ОНА ИДЕТ К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ. На разных полюсах

ЗНАКОМЯСЬ с работой Л. Д Троцкого "Сталин", невольно вспоминаешь древнее изречение о том, что у каждой книги своя судьба. Действительно, книга эта долго создавалась, еще дольше идет она к советскому читателю.

Уже в 1928 г.. в очередной, третий раз оказавшись в политической ссылке в Алма-Ате, а затем в феврале 1929 г. - в эмиграции, Троцкий задумал работу о Сталине. Однако в конце 20-х гг. Троцкому не удалось реализовать свои намерения. Помешала масса обстоятельств и прежде всего - развернутая им борьба за создание в международном рабочем движении групп своих сторонников, которые в 1938 г. объединились в IV Интернационал.

В 1938 г. Троцкий вновь возвращается к книге о Сталине. Это, конечно, не значит, что за десять лет им ничего не было написано на эту тему. Сталину посвящены сотни страниц в книгах Троцкого тех лет - "Моя жизнь" (1930), "Перманентная революция" (1930), "Сталинская школа фальсификаций" (1932), "История русской революции" (1931 - 1933), "Преданная революция" (1936), "Их мораль и наша" (1938), масса статей в "Бюллетене оппозиции"...

Но все это не удовлетворяло Троцкого. Все 30-е годы он вел со Сталиным не только открытый, через печать, но и внутренний диалог, а точнее - монолог. Потому что его главный политический противник фактически не отвечал публично на его выпады. Потребность защитить свою правоту, доказать свое превосходство над Сталиным, точно саркома, съедала Троцкого.

Именно это обстоятельство, как нам представляется, оказало плохую услугу автору. Оно лишило эту книгу свойственных многим другим его публикациям логики мысли, умелого подбора фактов, стремления к обязательному поиску нетривиальных аргументов. Сказалось и то, что данная книга не была завершена Троцким.

Первый ее том представляет собой семь глав, отредактированных им для издания в США, второй - пять глав, составленных издателями уже после смерти Троцкого из черновиков, хранящихся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, которому он завещал большую часть вывезенного из СССР своего архива.

Незавершенность работы, разумеется, значительно снизила ее уровень. На это обращали внимание даже те, кто относился к Троцкому с откровенной симпатией. Тем не менее даже в таком виде "Сталин" вот уже почти полвека неизменно входит в число наиболее широко используемых советологами и зарубежными историками публикаций.

В последнее время эта книга стала пользоваться большим вниманием и ряда наших публицистов и писателей, чему в немалой степени способствовало ее издание на русском языке в 1985 г. в США. Более того, кое-кто принялся буквально обворовывать Троцкого, заимствовать у него не просто аргументы и факты, но и целые их блоки. Причем заимствовать некритически, без всякого учета места и времени их появления.

У меня даже, откровенно говоря, складывается впечатление, что если бы в нашей стране опубликовать эту книгу целиком, без всяких изъятий и купюр, то, несмотря на все ее несовершенство, она поставила бы на грань банкротства некоторых публицистов, которые не один год уже специализируются исключительно на разоблачении преступлений Сталина и сталинизма.

Это обстоятельство также сыграло немалую роль в выборе данной публикации. Непредвзято настроенный читатель без труда заметит, что Троцкий из всего виденного и слышанного им про Сталина отбирал только то, что работало на реализацию его центральной установки - уничтожить Сталина как политического деятеля. Но с другой стороны, как бы мы ни относились к Троцкому, мы не можем не признавать его неуклонной - до конца! - борьбы против сталинской тирании, против режима личной власти Сталина.

Итак, читаем Троцкого...

Н. ВАСЕЦКИЙ, доктор исторических наук

НЫНЕШНИЕ официальные приравнения Сталина к Ленину - просто непристойность...

Большевистскую партию создал Ленин. Сталин вырос из ее аппарата и неотделим от него. К массам, к событиям, к истории у него нет другого подхода, как через аппарат. Только после того, как обострение социальных противоречий на основе НЭПа позволило бюрократии подняться над обществом, Сталин стал подниматься над партией.

В первый период он сам был застигнут врасплох собственным подъемом. Он ступал неуверенно, озираясь по сторонам, всегда готовый к отступлению. Но его в качестве противовеса мне поддерживали и подталкивали Зиновьев и Каменев, отчасти Рыков, Бухарин, Томский. Никто из них не думал тогда, что Сталин перерастет через их головы.

В период "тройки" Зиновьев относился к Сталину осторожно-покровительственно. Каменев - слегка иронически. Помню, Сталин в прениях ЦК употребил однажды слово "ригористический" совсем не по назначению (с ним это случается нередко!); Каменев оглянулся на меня лукавым взглядом, как бы говоря: "Ничего не поделаешь, надо брать его таким, каков он есть".

Бухарин считал, что "Коба" (старая подпольная кличка Сталина) - человек с характером (о самом Бухарине Ленин публично говорил: "мягче воска") и что "нам" такие нужны, а если он невежествен и малокультурен, то "мы" ему поможем. На этой идее основан был блок Сталина - Бухарина после распада "- тройки". Так все условия, и социальные и персональные, содействовали подъему Сталина.

Несокрушимую верность принципам и веру в массу Ленин действительно пронес через всю свою жизнь, несмотря на маневренную гибкость своей политики. В этих обоих отношениях Сталин составляет прямую противоположность Ленину, его отрицание и, если позволено сказать, его поругание. Принципы никогда не были для него ничем иным, кроме прикрытия. Никогда в течение своей жизни он не имел общения с действительными массами, т. е. не с десятками, а с сотнями тысяч, миллионами. У него не было органов и ресурсов для такого общения, и из его неспособности "объясняться с массами" и непосредственно влиять на них вырос его страх, перед массами, а затем и вражда к ним.

Прошлая биография Сталина, как она ни скудна, оказалась чрезвычайно подходящей для требований той новой роли, которую ему пришлось сыграть. Он был несомненно старым большевиком, следовательно, был связан с историей партии и ее традициями. Его политика поэтому легко могла представиться продолжением и развитием старой политики большевистской партии. Он был как нельзя лучшим прикрытием для термидорианской реакции¹. Но если он был старым большевиком, то прошлая его деятельность оставалась фактически неизвестной не только народным массам, но и партии. Никто не знал, что говорил и делал Сталин до 17-го и даже до 23 - 24-го годов².

В конце 1925 г. Сталин говорит еще о вождях в третьем лице и восстанавливает против них партию. Он вызывает аплодисменты среднего слоя бюрократии, что отказывает вождям в поклонах. В это время он уже был диктатором³. Он был диктатором, но не чувствовал себя вождем, никто его вождем не признавал. Он был диктатором не силою своей личности, а силою аппарата, который порвал со старыми вождями.

Иностранцам трудно поверить, какими методами создается сейчас биография Сталина. Вдовы старых большевиков, в прошлом игравших крупную роль в истории партии, вынуждаются давать эти воспоминания.

Главной свидетельницей выступает в этом последнем случае Швейцер, подруга того самого Спандарьяна, который был действительным руководителем туруханских ссыльных в вопросах интернационализма. Вдову Спандарьяна заставляют, иначе нельзя выразиться, ограбить память своего бывшего мужа в интересах исторической репутации Сталина.

Такое же давление неоднократно производилось и продолжает производиться на Крупскую. Она далеко пошла по пути уступок. Но Крупская оказалась все же несколько стойче, да и память Ленина не так легко обокрасть.

Вдова Орджоникидзе написала воспоминания, в которых она говорит о вещах, которых не знала и знать не могла, и, что главное, принижает своего бывшего мужа в интересах возвеличения Сталина. Формулы возвеличения у Швейцер, у Зинаиды Орджоникидзе и у многих других одни и те же. Совершенно непростительным представляется этот поход историков на вдов с целью обобрать их бывших мужей, дабы заполнить пробелы биографии Сталина. Ничего похожего по злонамеренности, систематичности, беспощадности, цинизму не было еще в мировой истории.

Вдова Якира, разделявшая с ним 20 лет борьбы, вынуждена была опубликовать или, вернее, допустить опубликование в газетах письма, в котором она проклинала спутника своей жизни, как "бесчестного изменника". Такова эксплуатация вдов⁴.

Те, кто судил по обычным повседневным проявлениям о деятельности Сталина, не могли не относить его к фигурам второго или третьего плана. Наконец, люди, которые соприкасались с ним в тюрьме или ссылке, т. е. в очень интимной обстановке, где он поворачивался к ним разными сторонами своего характера, - эти люди видели, с одной стороны, его значительность, а с другой стороны, никак не могли признать его интеллектуального авторитета. Отсюда двойственность отношения со стороны всех тех, которые близко соприкасались с ним.

У Сталина была достаточно крепкая воля, чтобы противостоять чужим влияниям, тогда, когда он их природу понимал. Но ему часто не хватало этого теоретического понимания. Сталину свойственно презрение к теории. Теория берет действительность больших масштабов. Здравый смысл берет действительность в малых масштабах. Оттого Сталин чрезвычайно чувствителен ко всякой непосредственной опасности, но не способен предвидеть опасность, коренящуюся в больших исторических тенденциях. В этих особенностях его личности и заложена разгадка его дальнейшей судьбы.

По словам Николаевского⁵. Бухарин называл Сталина "гениальным дозировщиком". Это выражение, только без гениальности, я слышал впервые от Каменева. Оно имеет в виду способность Сталина выполнять свой план по частям в рассрочку. Эта возможность предполагает, в свою очередь, наличие могущественного централизованного аппарата. Задача дозировки состоит в том, чтобы постепенно вовлекать аппарат и общественное мнение страны в иные предприятия, которые, будучи представлены сразу в полном объеме, вызвали бы испуг, негодование и даже отпор.

Он был сильнее других наделен волей и честолюбием, но он не был ни умнее других, ни образованнее других, ни красноречивее. Он не обладал теми качествами, которые привлекают симпатии. Зато природа щедро наделила его холодной настойчивостью и практической сметкой. Он никогда не повиновался чувствам, а всегда умел подчинять их расчету.

Недоверие к массам, как и к отдельным людям, составляет основу природы Сталина. Оттого в больших вопросах революции, где все зависит от вмешательства партии, он занимал действительно оппортунистическую позицию. Но в практических действиях узкого масштаба, где решал аппарат, он всегда склонялся к самым решительным действиям. Можно сказать, что он был оппортунистом стратегии и крайним человеком действия в тактике.

Нельзя понять Сталина и его позднейший успех, не поняв основной пружины его личности: любовь к власти, честолюбие и зависть, активная, никогда не засыпающая зависть ко всем тем, кто даровитее, сильнее или выше его.

В одном только большевистском штабе были люди, превосходившие Сталина во многих отношениях, если не во всех. Во всем, за исключением сконцентрированного честолюбия. Ленин очень ценил власть как орудие действия. Но чистое властолюбие, борьба за власть были ему совершенно чужды. Для Сталина же психологически власть всегда стояла отдельно во всех задачах, которым она должна служить. Воля господства над другими была основной пружиной его личности. И эта воля получала тем более сосредоточенный, недремлющий, наступательный, активный, ни перед чем не останавливающийся характер, чем чаще Сталину приходилось убеждаться, что ему не хватает многих и многих ресурсов для достижения власти.

Сталину несомненно свойственно было нечто вроде суеверного страха перед талантом и образованием. Он боялся людей, которые умеют свободно разговаривать с массой или легко и убедительно излагать свои мысли на бумаге. Еще больше он боялся людей, которые имели свои собственные мысли, способны к обобщениям, оперируют фактическим материалом, вообще чувствуют себя по-домашнему в области общих идей. Условия России до двадцатых годов нынешнего столетия были таковы, что требовали общих идей, литературного или ораторского таланта. Именно поэтому Сталин оставался в тени.

Чтобы как-нибудь объяснить ту неизвестность, в которой оставался Сталин до 1924 г. и даже позже, официальные историки повторяют: "Он не искал популярности". Неправда, он напряженно и страстно искал ее, но не умел найти. Эта неспособность всегда сверлила его сознание и толкала его на обходные и кривые пути. В свете нынешнего положения вещей, когда весь аппарат государства и партии превращен в машину славословия вождя, трудно принять всерьез это объяснение. Нет, жажда известности, влияния на самом деле пожирала его. Но в тот период, когда известность можно было получить непосредственно волею самих масс, когда завоевать ее можно было лишь пером, устной речью, теоретическим творчеством - эта известность оставалась для него совершенно недоступной. Нужно было, чтоб известность и популярность привела к образованию аппарата и чтоб этот аппарат сам стал машиной для фабрикации популярности.

Недаром сказано, что человек - это стиль. Никто не требует от Сталина качеств писателя, но его стиль вполне выдает природу его мысли. Как только Сталин переходит в область общих идей, его язык становится неопределенным, сбивчивым, термины только приблизительно отвечают понятиям, и одна фраза искусственно связана с другой.

Он не мыслитель, не писатель и не оратор. Он завладел властью до того, как массы научились отличать его фигуру от других во время торжественных шествий по Красной площади. Сталин завладел властью не при помощи личных свойств, а при помощи безличного аппарата^{sup"6"/sup". И не он создал аппарат, а аппарат создал его. Этот аппарат со своей силой и со своим авторитетом явился результатом длинной, долгой и героической работы большевистской партии, которая сама выросла из идей. Аппарат был носителем этой идеи, прежде чем он стал самоцелью. Сталин возглавил аппарат с того момента, когда он отрезал пуповину идеи и стал вещью в себе. Ленин создавал аппарат путем постоянного общения с массой если не устным словом, то печатным, если не непосредственно, то через посредство своих учеников. Сталин не создавал аппарат, а овладел им. Разумеется, не всякий может овладеть аппаратом. Для этого нужны были исключительные и особые качества, которые не имеют, однако, ничего общего с качествами исторического инициатора, мыслителя, писателя или оратора. Аппарат вырос в свое время из идей. Сталину нужно было презрительное отношение к идее.}

Говорил он медленно и осторожно. Но под этим как бы апатичным голосом слышалась сдерживаемая страшная злоба, с которой гармонировали желтоватые белки глаз. Вся фигура показалась мне в первый раз зловещей и, пожалуй, и не мне одному. Речь мало касалась темы и не отвечала на аргументы. Зато она заключала в себе ряд осторожных инсинуаций, которые большинству оставались непонятны, да они и предназначены были для кадров, для людей аппарата.

Сталин как бы инструктировал их, как надо выступать перед массами, где нет верхов партии и где можно говорить, не стесняясь.

Я вспоминаю, впрочем, эпизод, где Сталин вышел из себя. Это происходило, кажется, на заседании советской делегации Коммунистического Интернационала. Речь шла об интриге, которую Сталин подводил под Зиновьева как председателя Коммунистического Интернационала. Сталин, как всегда, требовал искренности и сокрушенно говорил, что у оппозиции нет искренности. Надо сказать, что разговоры Сталина об искренности, его любимая тема, всегда выводили оппозицию из себя. Да и сторонникам Сталина не всегда было по себе. Каменев крикнул какое-то резкое замечание, вроде "лицемер". Сталин ответил грубым ругательством, завязалась подлинная перебранка. Каменев стоял бледный и взволнованный, сцена была очень тяжелая.

Был и другой эпизод, когда Сталин под давлением оппозиции увидел себя вынужденным огласить перед широкой аудиторией запретный текст ленинского завещания. Сталин редко выходит из себя, редко повышает голос или употребляет жестикуляцию, только по грубости выражений, по цинизму обвинений, да еще и по глухому тембру голоса можно подметить душашую его злобу. Таким именно тоном он читал завещание Ленина. В отместку он прочитал некоторые старые документы, которые могли повредить членам оппозиции. Он читал с намеренными искажениями, предназначенными для протокола. Его прерывали, поправляли, уличали. На возгласы с мест он не находил ответа. Полемическая находчивость не свойственна его неповоротливому уму. В конце концов он совершенно потерял равновесие и, приподнявшись на цыпочках, форсируя свой голос, с поднятой вверх рукой стал хрипло кричать бешеные обвинения и угрозы, вызвавшие оторопь во всем зале.

ПРИМЕЧАНИЯ Н. ВАСЕЦКОГО

"sup"1"/sup" В этой и других книгах Троцкий обосновывал теорию "советского термидора" по аналогии с французским термидором времен буржуазной революции XVIII в. Как известно, 27 - 28 июля 1794 г., или 9 термидора, в ходе переворота была низвергнута революционно-демократическая диктатура якобинцев. На место якобинцев Троцкий ставил возглавлявшуюся им в 1926 - 1927 гг. троцкистско-зиновьевскую оппозицию, а в роли Директории изображал большинство ЦК во главе со Сталиным.

"sup"2"/sup" Здесь явная натяжка. Кандидатуру человека, которого "никто не знал", вряд ли поддержал бы Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся после XI съезда партии (1921 г.).

"sup"3"/sup" Откровенная передержка: в этот период еще только осуществлялось формирование режима личной власти Сталина, и в партии, государстве имелись силы, способные положить конец этому процессу.

"sup"4"/sup" Говоря об "эксплуатации вдов", Троцкий несколько искажает положение дел. По крайней мере Крупская хотя и подверглась давлению группы Сталина, тем не менее не пошла у нее на поводу и не поступилась памятью Ленина.

"sup"5"/sup" Николаевский Б. - бывший меньшевик. В 30-е гг. был директором Института социальной истории в Амстердаме, которому Троцкий в 1935 г. продал часть своего архива.

"sup"6"/sup" Причины возвышения Сталина гораздо сложнее и глубже, чем просто влияние партийного аппарата, который он возглавлял как генсек. Аппаратом, причем тоже весьма авторитетным, в ту пору

располагали не только Сталин, но и сам Троцкий как наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета Республики. Зиновьев как председатель Исполкома Коминтерна, Томский как председатель ВЦСПС и т. д.